
РАЗГОВОР,
КОТОРОГО
НЕ БЫЛО

Марк Северин

Разговор, которого не было

«Автор»
2026

Северин М.

Разговор, которого не было / М. Северин — «Автор», 2026

Копенгаген. Молодую телефонистку Анну Лунд находят мёртвой на станции связи. Всё указывает на несчастный случай, пока бывшая сотрудница станции Ингрид Мадсен не узнаёт о странной записи в служебном журнале. Согласно документам, два человека разговаривали по телефону. Но оба утверждают, что разговора не было. Пытаясь восстановить события роковой ночи, Ингрид сталкивается с противоречивыми свидетельствами, скрытыми интересами и опасной разницей между тем, что произошло на самом деле, и тем, что осталось на бумаге. Иногда для сокрытия преступления не нужно уничтожать доказательства. Достаточно создать одно ложное.

© Северин М., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Ночная отметка 6
Глава 2. Время обнаружения 10
Конец ознакомительного фрагмента. 11

Марк Северин
Разговор, которого не было

РАЗГОВОР, КОТОРОГО НЕ БЫЛО

Глава 1. Ночная отметка

В тот день, когда Ингрид Мадсен впервые услышала о смерти Анны Лунд, в Копенгагене шёл дождь, слишком мелкий, чтобы раскрывать зонт, и слишком настойчивый, чтобы не замечать его. Вода темнила камни мостовой, собиралась в швах у трамвайных рельсов. Колёса проходившего вагона раздвигали её узкими полосами, и на мгновение отражение окна ломалось, словно кто-то зачеркнул написанную строку.

Ингрид вышла из помещения курсов связи с папкой ученических упражнений под мышкой. Её окликнули уже у дверей. Молодая преподавательница, обычно говорившая так быстро, будто опаздывала на собственные слова, теперь задержалась перед тем, как произнести имя.

— Вы ведь работали с Анной Лунд?

— Я знала её по сменам, — сказала Ингрид. — Что случилось?

— Её нашли ночью. На станции. Говорят, несчастный случай.

Слово «говорят» Ингрид услышала отчётливее остального. Оно не было ложью; оно не было и свидетельством. Молодая женщина смотрела на неё с тревогой человека, которому хотелось сообщить страшную новость и тут же снять с себя ответственность за её точность.

— Кто вам сказал?

— Утром говорили две телефонистки. Я не спросила, кто видел.

— Тогда вы знаете только то, что слышали от них.

— Разве этого мало?

Ингрид не ответила сразу. Для горя этого было достаточно. Для объяснения смерти — нет. Она поблагодарила коллегу и вернулась в коридор, хотя занятие уже закончилось. В пустой аудитории на доске осталась схема соединения: две условные линии, два обозначенных конца и короткий мостик между ними. Ученицы всегда принимали этот мостик за разговор. Приходилось объяснять, что линия может быть занята, аппарат может звонить, соединение может быть подготовлено — и всё же ни одного слова между нужными людьми не прозвучит.

Анна была моложе её на одиннадцать лет. Ингрид помнила не голос целиком, а манеру дожидаться ответа. В служебных вопросах Анна не заполняла паузы догадками. Если собеседник говорил «кажется», она спрашивала: «Вы видели сами?» Однажды это раздражало начальника смены; Ингрид тогда подумала, что такая привычка либо сохранит девушке место, либо будет стоить его. Теперь ей стало стыдно за лёгкость прежней мысли.

Она убрала ученические листы в шкаф и на чистом клочке записала: «Анна Лунд. Ночью. Нашли на станции. Источник — пересказ». Слово «несчастный случай» добавила ниже и обвела не кругом, а вопросительным знаком. В школе связи за неверную отметку ставили красную черту. В жизни черту часто проводили прежде, чем выясняли, что именно отмечено.

Она не поехала сразу на станцию. Прежде чем задавать вопросы людям, пережившим ночное происшествие, следовало понять, есть ли у неё хоть какое-то право тревожить их. У Ингрид не было служебного удостоверения следователя, и прежний опыт телефонистки не давал ей доступа ни к закрытым журналам, ни к комнатам, где работала Анна. Но она могла спросить, кому следует адресовать соболезнование и кому известны обстоятельства обнаружения. Этот небольшой, почти неловкий путь был единственным, который не начинался с самовольного требования.

В канцелярии курсов ей сообщили номер служебной приёмной станции — обычную справочную связь, а не тайный проход к сведениям. Ингрид дождалась ответа, назвала себя и попросила передать старшей сотруднице, что хотела бы поговорить об Анне Лунд. Ей предложили прийти позже и предупредили: документы ночной смены не предназначены для посторонних.

— Я их и не прошу, — ответила Ингрид.

Она произнесла это уверенно. Лишь положив трубку, заметила, что на клочке бумаги рядом с именем Анны оставила пустое место. Там должна была появиться фамилия человека, который видел случившееся сам. Пока этой фамилии не было.

Служебная приёмная не походила на место, где разрешают загадки. Здесь пахло влажной шерстью пальто, чернилами и нагретой комнатой, в которую постоянно входили с улицы. У стола стоял посетитель, споривший о счёте; женщина за перегородкой объясняла ему порядок подачи заявления. Ингрид пришлось ждать, и ожидание оказалось полезнее спешки. За несколько минут она услышала, как одно и то же слово — «соединение» — употребили для вызова, для оплаченной услуги и для разговора. Три значения, три разных события.

Когда её пригласили, перед ней оказался Эрик Фальк. Ингрид знала его по прежней работе: неизменно вежливый, с умением говорить так, что возражение собеседника начинало казаться неуместным ещё до того, как тот его произнесёт. Сейчас он выглядел усталым. Усталость была видна; её причина — нет.

— Госпожа Мадсен. Мне сообщили, что вы спрашивали об Анне. Очень печальное происшествие.

— Мне жаль, — сказала Ингрид. — Я не пришла требовать подробностей, которые вы не вправе сообщать.

— Это разумно. Полиция занимается обстоятельствами. Станция оказывает необходимое содействие.

Он не назвал происшествие несчастным случаем. Ингрид заметила разницу между утренним слухом и словами Фалька.

— Я хотела узнать, кто может подтвердить, когда Анну обнаружили. Не когда она умерла — только когда её нашли.

Фальк сложил ладони на столе.

— Подобные сведения будут установлены надлежащим образом.

— Значит, сейчас вы мне их не называете.

— Я не считаю правильным обсуждать показания сотрудников.

Ингрид кивнула. Отказ не был признанием. Он мог означать осторожность, служебный приказ, человеческое нежелание говорить о смерти коллеги. Она не собиралась превращать его в улику только потому, что он не помогал ей.

Фальк сам заговорил о журналах — не как о предмете обвинения, а как о причине, по которой сотрудники должны отвечать на вопросы точно.

— После ночных событий неизбежно возникают пересуды. Особенно когда в документах находят записи, понятные не каждому. Человек видит отметку и воображает за ней целую историю.

— Какую отметку?

На этот раз пауза принадлежала ему. Она была короткой, но Ингрид успела пожалеть о вопросе: возможно, она требовала сведения, которые он не собирался разглашать.

— Обычную запись о вызове, — сказал Фальк. — Вопрос не ко мне, а к тем, кто её проверяет.

— Вы упомянули её сами.

— Потому что вы знаете нашу работу и должны понимать, как легко неверно прочитать журнал.

Это было справедливо. Именно поэтому Ингрид не спросила, чья фамилия стояла в строке. Если запись относилась к проверке, её место было у уполномоченных лиц. Но она могла спросить о смысле слова, не касаясь содержания.

— Когда в чистовом журнале написано, что вызов состоялся, это означает, что двое разговаривали?

— Формулировки бывают разными. Не стоит рассуждать отвлечённо о документе, которого вы не видели.

— Не стоит, — согласилась она. — Поэтому я спрашиваю о принципе.

Фальк чуть повернул голову, будто оценивал, насколько безопасно ответить.

— Принцип прост: запись служит учёту работы. Если возникнет спор, специалисты разберут обстоятельства.

Ингрид не могла оспорить эти слова. В них, однако, отсутствовал ответ на её вопрос. Она заметила это, но не повторила его. Повторение превратило бы разговор в допрос, на который она не имела ни полномочий, ни оснований.

На краю стола лежал перевёрнутый лист с пустой оборотной стороной. Ингрид поймала себя на желании развернуть его и посмотреть. Это желание испугало её сильнее, чем отказ Фалька. Она отодвинула руки от стола.

— Я не буду просить показать журнал. Если мне станет известно что-то существенное, я передам это полиции.

— Это и будет правильно, — ответил Фальк.

В коридоре она задержалась у окна. На улице человек придерживал дверь перед незнакомкой, не выпуская из руки сложенный лист. Обыкновенный жест, ничего не означавший. Ингрид подумала, как быстро сознание, напуганное смертью, начинает наделять каждый предмет тайным смыслом. Она записала в блокноте дословно лишь две фразы Фалька: «Обычную запись о вызове» и «Запись служит учёту работы». Ни рядом с одной не поставила слова «подлог». Для этого у неё не было права даже в собственных заметках.

Вечером Ингрид встретилась с женщиной, согласившейся поговорить с ней как с прежней коллегой Анны. Они сидели в небольшом помещении неподалёку от курсов, где можно было заказать чай и не повышать голос над уличным шумом. Собеседница попросила не записывать её имени. Ингрид обещала не передавать имя посторонним без согласия, но сразу оговорила, что не сможет скрывать существенные сведения от полиции, если они окажутся важными для дела. Женщина долго размешивала сахар, прежде чем кивнуть.

— Вы спрашиваете о журнале? — сказала она. — О нём сегодня все говорят.

— Я спрашиваю, что видели вы.

— Сам журнал я не держала в руках. Мне пересказали, будто там отмечен разговор одного бухгалтера с адвокатом. Берга с Вестером, кажется. А кто-то утверждает, что они не говорили.

Ингрид медленно положила карандаш на стол.

— Вы знаете, кто это утверждает?

— Нет. Имён я не назову, потому что не знаю. Я слышала только, что спорят о строке.

— И что именно в ней написано, вы не знаете.

— Нет. Мне сказали: «Разговор был». Я повторяю так, как услышала.

Ингрид вспомнила утреннюю схему на доске. Ей хотелось спросить, не стояла ли за строкой отметка о попытке соединения. Но подсказанный ответ мог незаметно стать чужим воспоминанием. Она удержалась.

— Спасибо. Важно, что вы сказали «мне пересказали».

— Вы считаете, я зря пришла?

— Нет. Теперь я знаю, где заканчивается ваш рассказ. Это больше, чем если бы вы уверяли меня, что видели запись.

Женщина впервые подняла глаза. Она заговорила об Анне — о том, как та приносила с собой хлеб в бумаге, аккуратно разглаживала обёртку и иногда отдавала половину соседке, забывшей обед. Такие подробности не помогали установить время смерти. Но они мешали Ингрид думать об Анне только как о фамилии в журнале. Когда собеседница сказала, что Анна могла спорить из-за одного неправильно поставленного знака, Ингрид спросила, случа-

лось ли это при ней. Оказалось, случалось: Анна однажды настояла, чтобы исправление сделали открыто, а не переписали страницу без объяснения. Случай был давний, не относился к последней ночи и ничего не доказывал о её смерти. Ингрид всё же запомнила его — как черту характера, а не как ключ к преступлению.

После ухода женщины она раскрыла блокнот на двух страницах. Слева написала: «Установлено мной: Фальк упомянул служебную запись о вызове; её текста я не видела». Справа: «Со слов коллеги: говорят о строке Берг — Вестер; источник ей неизвестен». Ниже вывела третье: «Проверить: что означает отметка в конкретном журнале; кто видел оригинал; есть ли независимое подтверждение разговора».

На мгновение всё выглядело почти просто. Если запись была верной, два человека поговорили. Если неверной — кто-то ошибся или обманул. Но Ингрид сама учила девушек не подменять цепь действий одним глаголом. Звонок не равен ответу. Ответ не равен разговору с нужным абонентом. Разговор не равен тому, что позже о нём записали. Между каждым звеном лежала работа людей, проводов и бумаги; любое звено могло оказаться понятым неверно.

Она перечеркнула первоначальную фразу «Если запись была верной, два человека поговорили». Вместо неё написала: «Если запись точно описывает состоявшийся разговор, разговор был. Но что именно она описывает?» Получилось громоздко. Зато теперь мысль не обманывала её своей гладкостью.

Снаружи прошёл поздний трамвай. На мокрой улице его освещённые окна скользнули по стеклу и исчезли. Ингрид увидела в отражении собственную руку, державшую карандаш над пустым местом страницы. Ей вспомнилась Анна, которая умела выдержать паузу, не заполняя её удобным ответом.

Никакого доказательства преступления у Ингрид не было. Не было даже доказательства, что журнал содержал ложь. Были смерть молодой женщины, осторожное замечание служащего и слух о разговоре, который, по чьим-то словам, не состоялся. Этого было слишком мало для обвинения и достаточно для вопроса, который следовало задать правильно.

Она оторвала чистый лист, чтобы не передавать полиции собственные догадки вместе с чужими словами, и написала короткое обращение: кто она, от кого услышала о спорной записи, что лично сказал ей Фальк, чего она не видела и что готова пояснить при необходимости. Не требовала ответа и не называла подозреваемых. Отнесёт его завтра через обычную приёмную; если полиция уже располагала всеми этими сведениями, письмо ничего не прибавит. Если нет, по крайней мере, оно не выдаст пересказ за свидетельство.

Дома она оставила на столе две бумаги: черновик для себя и чистый лист для передачи. В первом было больше слов, во втором — больше осторожности. Ингрид погасила лампу, но ещё некоторое время стояла у окна. Где-то в городе люди продолжали разговаривать по телефону; где-то дежурная записывала цифры и фамилии. Она не слышала ни этих голосов, ни звона. Тишина за стеклом не означала, что на другом конце линии никто не ответил.

Утром ей предстояло узнать, кто видел запись своими глазами. До тех пор оставалось лишь одно достоверное обстоятельство её собственного расследования: она ещё не знала, был ли разговор.

Глава 2. Время обнаружения

Утром Ингрид перечитала письмо, приготовленное для полиции. Она не отправила его вечером: в последней строке стояло «сотрудница сообщила», хотя женщина прямо сказала, что слышала пересказ. Ингрид зачеркнула одно слово, написала «бывшая коллега Анны» и снова остановилась. Письмо теперь стало точнее, но от этого не стало содержательнее.

В канцелярии курсов пахло мокрыми пальто и свежим клеем. Секретарь, которой Ингрид доверяла служебные конверты, подала ей лист для адреса.

— Вы хотите, чтобы письмо приняли как заявление?

— Я хочу, чтобы его прочли как сообщение. Я не видела ни журнала, ни места происшествия.

— Тогда так и напишите.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.